

Данилов Е.С.

Римские военные игры в период Империи

[Stable URL: <http://elar.uniylar.ac.ru/jspui/handle/123456789/1573>]

[Публикация работы:]

Данилов Е.С. 2008: Римские военные игры в период Империи // Путь в науку. Вып. 12 / В.М. Марасанова, Е.В. Спиридонова (отв. ред.). Ярославль, 23-27.

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ
ЦЕНТР АНТИКОВЕДЕНИЯ
ЯРОСЛАВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
ЯРОСЛАВЛЬ, РОССИЯ

THE SCIENTIFIC & EDUCATIONAL
CENTRE FOR CLASSICAL STUDIES
AT YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY
YAROSLAVL, RUSSIA

DAS WISSENSCHAFTLICHEN FORSCHUNGS- UND
STUDIENZENTRUM FÜR DIE GESCHICHTE,
KULTUR UND RECHT DER ANTIKE
DER STAATLICHEN DEMIDOW-UNIVERSITÄT JAROSLAWL
YAROSLAVL, RUSSLAND

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ
АНТИКОВЕДОВ
RUSSIAN SOCIETY OF CLASSICAL STUDIES

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ И
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ФОНД
«ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ РИМСКОГО ПРАВА»
ЯРОСЛАВСКИЙ ФИЛИАЛ
THE RESEARCH AND EDUCATIONAL FOUNDATION
“THE CENTRE FOR ROMAN LAW STUDIES”
YAROSLAVL BRANCH

ЯРОСЛАВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY

Примечания

...uti ne cum populo agant...

² Маяк И. Л. Римляне ранней Республики. М.: МГУ, 1993. С. 79.

³ Там же.

⁴ Mommsen Th. Römisches Staatsrecht. Band I. Leipzig, 1887. S. 199–200.

Е.С. Данилов

Римские военные игры в период Империи

Когда вооруженную борьбу называют игрой, то имеют дело с тем, что оба значения «борьба» и «игра» – и в самом деле нередко, по-видимому, сливаются. Каждый случай борьбы регламентируется ограничительными правилами и тем самым – уже благодаря ограничивающему порядку – носит формальные признаки игры¹. Ливий рассказывает о чрезмерной пышности, с которой давались в республиканском Риме *ludi publici* (публичные игры), пышности, вырождавшейся в безрассудное соперничество (*Liv.* VII. 2. 13). Тацит характеризовал страсть к играм как самый отличительный порок римлян (*Tac.* Dial. 29). По его мнению, кулачные бои и времяпрепровождение в гимнасиях заменили римской молодежи совершенствования в военном деле (*Tac.* Ann. XIV. 20). Тертуллиан, живший на рубеже II – III вв., также подчеркивает непомерную роскошь цирковых игр, сценических представлений, гладиаторских боев, но, несмотря на свое непримиримое отношение к языческим действиям, особо выделяет физические состязания на ристалищах, критика которых у него заметно менее выражена (*Tert.* De spect. 7, 10, 18). Предметом данного исследования будут военные игры и их роль в жизни Империи.

Самыми древними играми, вероятно, были состязания в честь Марса. Богу войны служили жреческие коллегии салиев (*Liv.* I. 20. 4; 27. 7). Палатинские и Квиринальские салии (2 общества по 12 человек) носили одеяние воина архаической эпохи, щиты и копья; экипированные таким образом, они проходили по городу по случаю открытия (19 марта) и закрытия (19 октября) военного сезона и пели гимн, призывая Януса, Юпитера, Юнону, Минерву и Марса. При Империи в этот гимн были включены Гений правящего принцепса, имена обожествленных императоров и некоторых членов династии. Шествие салиев должно было показать готовность римского войска к походу². К. Ляitte отождествляет ритуалы салиев и так назы-

ваемые *Lusus Troiae* – военные игры патрицианских юношей³. За день до шествия салиев происходили конные состязания, также посвященные Марсу (Эквирии). Связь Эквирий с Марсом, по мнению И.Л. Маяк, относит их к числу военноритуальных игр⁴. Таким образом проявлялась сакральная составляющая, которая давала определенный психологический эффект при подготовке воинов к сражению. Яркое упоминание о Марсовых играх имперского периода мы находим у Требеллия Поллиона. Автор рассказывает о военных играх в правление Деция, который одарил победивших в борьбе браслетами и шейными цепями, потребовав от собрания воинов, чтобы они старались не причинять жестоких повреждений, которых не требуют правила борьбы (*SHA. Claud. XIII. 6-8*).

«Римский народ подчинил себе всю вселенную только благодаря военным упражнениям, искусству хорошо устраивать лагерь и своей военной выучке» – замечает Вегетий (*Veget. Epit. I. 1*. Пер. С. П. Кондратьева). Многие императоры, как, например, Адриан, постоянно упражняли своих воинов (*SHA. Hadr. X. 2*; *Dio Cass. LXIX. 9. 3 – 4*). Марк Антоний любил кулачный бой, борьбу и бег (*SHA. Anton. IV. 9*). При Авидии Кассии через каждые семь дней происходили военные упражнения всех воинов со стрельбой из луков (*SHA. Cass. VI. 3*). Александр Север среди прочего увлекался игрой в мяч и плаванием (*SHA. Alex. Sev. XXVII. 9*; *XXX. 4*). Императоры Луций Вер и Максимин предпочитали охоту (*SHA. Verus. II. 10*; *Max. duo VIII. 4*), Коммод и Аврелиан – метание копья (*Herod. I. 15. 2*; *SHA. Aurel. IV. 1*), а Грациан Старший – перетягивание каната (*Amm. Marc. XXX. 7. 2 – 3*).

Комплекс воинских упражнений, приуроченных к какому-либо событию, составлял военные игры. Готский историк Иордан пишет, что император Септимий Север устраивал их (*princes si quidem militares dederat ludos*) в день рождения своего сына Геты. Программа состязаний представляла греко-римскую борьбу и бег. Победители получали награду и, возможно, повышение по службе (*Jordanes. Getica. 84*; *SHA. Max. duo II. 4 – III. 6*).

Под руководством ветерана тренировки проходили на специальном плацу, за ходом состязаний следил *campidoctor*. Конницу тренировал *magister campi*, фехтовальщиков – *doctor armorum*, людей на учениях называли *quintanari*⁵. По воинскому уставу, римские солдаты должны были не только обучаться драться на мечах, стрелять и плавать, но и маневрировать. Маневры назывались – *decursio* – и представляли собой

сталкивание двух строев в имитации боя⁶. Вполне возможно, что солдаты времен Империи на играх могли оттачивать и навыки боевого построения, как это показано относительно их предков в одном из пассажей Ливия: «Среди прочих выступали юноши в боевом снаряжении, человек по шестидесяти. Они показывали боевые приемы. Под конец своего представления они строились четырехугольником, плотно сомкнув над головами щиты; первый ряд стоял прямо, второй – пригнувшись, следующие – ниже и ниже, последние стояли на коленях; так делалась наклонная, точно скат крыши, «черепаха» (*Liv. XLIV. 9. 3 – 7*. Пер. О.Л. Левинской).

Для кавалеристов существовали отдельные упражнения и построения. Их мастерство можно было видеть не только в бою, но и во время полномасштабных учений, упомянутых Мавриkiem. Автор VI в. выделяет четыре различных построения по соответствующим схемам – скифское, аланское, африканское и италийское. При первом упражнении два крыла боевого строя выдвигаются вперед и осуществляют как бы обходное движение, охватывая значительное пространство и направляясь навстречу друг другу, затем, окружив это пространство, они устремляются друг против друга. По мысли П.В. Шувалова, скифское упражнение восходит к концу IV в.⁷ Аланская схема подразумевала собой тренировку внезапных атак и ложного бегства. Вероятно, она прижилась еще во II в., когда император Адриан ввел в войска тактику сарматских верховых воинов, способ боя которых в Западной Европе распространили аланы⁸. По африканскому построению в одну линию отрабатывается маневр преследования. Возможно, прототипом его были традиционные действия мавританской легкой конницы (*Tac. Ann. II. 52; Herod. VI. 7. 8*). Италийский способ выстраивает войско в две линии с дополнительными охранными отрядами на флангах и в тылу (*Mauricius. Strategikon VI. 1 – 4*. Пер. В.В. Кучмы).

Кроме того, команды всадников готовились для верхового показательного турнира, называемого *hippika gymnasia*. В нем участвовали вооруженные затупленными дротиками конники, которые разделялись на две команды. Одна команда служила мишенью, а другая метала дротики; очки засчитывались по количеству попаданий. Все участники этих игр, а также их лошади наряжались в специальные рельефные доспехи⁹. Далее всадники производят джигитовку: сближаются с копьем наперевес, на полном галопе вскакивают в седло, если их сбивают с коня, сражаются по одному или отрядами, ис-

пользуют луки, арканы и другое оружие и нападают с другой стороны, отражая щитами стрелы¹⁰. Это уже были не те всадники, кони которых, по словам Т. Моммзена, «играли роль только на столичных празднествах»¹¹. Здесь мы видим проявление самой важной роли военных игр – осуществление физической подготовки легионеров.

Рассмотрим теперь политическое значение солдатских ристалищ. Принцепсы придавали большое значение военным учениям. Тиберий, по сообщению Диона Кассия, на одиннадцатом году правления собрал сенаторов и представил им преторианцев во время тренировок. Его цель состояла в том, чтобы показать, какой силой он располагает против всевозможных заговоров (*Dio Cass. LVII. 24*). Перед самой смертью Тиберий, чтобы скрыть свое нездоровье, не только присутствовал на лагерных играх, но даже участвовал в них (*Suet. Tib. 72. 2*). Гай Калигула организовывал полевые учения, стремясь заполучить репутацию деятельного полководца (*Suet. Calig. 44. 1; Galb. 6. 3*). Нерон в день своего совершеннолетия принял участие в военных учениях преторианцев, а, будучи императором, позволял народу смотреть на его упражнения с оружием (*Suet. Ner. 7. 2; 10. 2; Tac. Ann. XIV. 14*). Как известно, армия всегда была опорой правящих императоров, и, чтобы заполучить ее поддержку, одним денег было мало, нужна была любовь простых воинов. Траян, по свидетельству Плиния Младшего, добился ее, участвуя в военных играх (*Plin. Pan. XIII*).

Очевидно, что без игровой состязательности не обходилась такая область военной жизни, как обучение и подготовка войск. Образцом и примером в воинских упражнениях нередко являлся сам военачальник¹². Военные игры показывали результат подготовки, они выявляли мастерство легионеров на последней стадии тренировок. Возникнув под влиянием религиозных празднеств, состязания придавали физическое и психологическое превосходство римским воинам над варварами во время битвы. Игры в период Империи были частью политической игры принцепсов, и их проведение считалось государственным делом. Вместе с тем, наличие в источниках упоминаний о состязаниях, не имеющих широкого выхода в практическую сферу, говорит нам о вероятности того, что понятия «воинские упражнения» и «военные игры» в сознании римского воина, по-видимому, сливались.

Примечания

- См.: Хейзинга Й. Homo Ludens / Пер. с нидерланд. В. Ошиса. М., 2004. С. 33.
- ² См.: Шайд Дж. Религия римлян / Пер. с фр. О.П. Смирновой. М., 2006. С. 140, 144.
- ³ Цит. по: Токмаков В.Н. Сакрально-правовые ритуалы подготовки к войне в архаическом Риме // Власть, право, норма: Светское и сакральное в античном и средневековом мире. М., 2003. С. 88.
- ⁴ См.: Маяк И.Л. Рим первых царей: генезис римского полиса. М., 1983. С. 116.
- ⁵ См.: Ле Бозк Я. Римская армия эпохи Ранней Империи / Пер. с фр. М.Н. Челinceвой. М., 2001. С. 73.
- ⁶ См.: Дельбрюк Г. История военного искусства. Т. 2. СПб., 2001. С. 133.
- ⁷ См.: Шувалов П.В. Секрет армии Юстиниана: восточноримская армия в 491–641 гг. СПб., 2006. С. 34.
- ⁸ См.: Нефедкин А.К. Военное дело сарматов. М., 2004. С. 164–166.
- ⁹ См.: Носов К.С. Рыцарские турниры. СПб., 2004. С. 6.
- ¹⁰ См.: Энглим С. Войны и сражения Древнего мира / Пер. с англ. Т. Сенькиной. М., 2004. С. 111.
- ¹¹ См.: Моммзен Т. История Рима. Т. 3. Кн. 5. М., 2002. С. 486.
- ¹² См.: Махлаюк А.В. Солдаты Римской империи. Традиции военной службы и воинская ментальность. СПб., 2006. С. 310.
-

А.Н. Фролова

Марк Юний Брут в сочинениях античных историков: Павел Орозий

Марк Юний Брут представлял собой личность, интересную и довольно привлекательную с исследовательской точки зрения для историков, которые весьма основательно подходили к определению его места в римской истории. Он был интересен уже для самих античных авторов, как современных или сравнительно недалеко отстоявших от него хронологически, так и для позднеантичных историков. Наряду с изложением событийной стороны жизни Брута, у Плутарха, Аппиана, Светония и Веллея Патеркула содержатся сведения о детстве Брута, личной жизни, прослеживается попытка дать психологический портрет. «История против язычников» Павла Орозия, чье творчество имело огромное значение для средневековья, интересна в первую очередь описанием событий римской истории сквозь призму христианского мировоззрения.